

Т. А. Качан

*(Гродно, Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы)*

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В различные исторические эпохи проблемы нации и национальной идентичности пронизывали реальную общественную жизнь и имели свои специфические особенности. Сегодня национальное деление остается ведущим принципом организации геополитического устройства мира. Вместе с тем, индивиды, группы и граждане, «старые» и «новые» нации, экономически развитые и неразвитые страны вновь и вновь ищут ответы на вопросы: «Кто мы?», «В чем наша национальная идентичность?». Казалось бы, что может быть проще, чем определиться со своей национальной принадлежностью? Практика современной действительности показывает, что этот вопрос далеко не самый простой, более того, многие мыслители вполне обоснованно говорят о кризисе национальной идентичности.

Обосновывая тезис о глобальном характере кризиса идентичности, С. Хантингтон писал: «Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как “народ в поисках идентичности”, теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет “борьбу за национальную идентичность” с Тайванем, поглощенным “задачей разложения и переформирования национальной идентичности”» [1]. В Сирии и в Бразилии налицо, как утверждают аналитики, «кризис идентичности»,

Алжир переживает «разрушительный кризис идентичности», в Турции упомянутый кризис вызывает непрекращающиеся споры касательно национальной идентичности, а в России «глубочайший кризис идентичности» воскресил конфликт XIX столетия между западниками и славянофилами – противники никак не могут договориться, европейская ли страна Россия или все-таки евразийская. Аналогичными поисками, по мнению Хантингтона, заняты в Мексике, Германии, Великобритании, США: «Иными словами, кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [1, с. 35–36].

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности. Никогда ранее в мировой истории эта проблема не стояла столь судьбоносно, даже фатально. И никогда ранее она не охватывала практически все государства и народы мира. Сегодня большинство стран мира, включая Беларусь, вовлеченных в процесс глобализации, вынуждено решать проблемы идентичности в условиях, при которых необходимо войти в глобализирующийся мир и, одновременно с этим, сохранить свою национальную идентичность. На современном этапе развития кризис национальной идентичности приобрел такие формы и масштабы, что его преодоление для многих из стран означает уже не только выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превратилось в вопрос национальной выживаемости.

Интеграция мирового сообщества, интернационализация образцов жизни, появление наднациональных объединений (Европейский союз, ООН, НАТО, ЕврАзЭС), образование глобальных транснациональных корпораций, увеличение роста миграционных процессов и развитие международного рынка труда, развитие телекоммуникационных технологий, разрушающих единый ритм национальной жизни за счет создания альтернативного виртуального времени и пространства – все это требует переосмысления национальной идентичности, жизненность которой все чаще ставится под сомнение.

Целый ряд нарастающих и весьма противоречивых процессов глобализации непосредственно влияют на обострение кризиса национальной идентичности. Такие процессы глобализации, как демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация, глобальная миграция, неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию, как на центральное ядро, хранящее наиболее устойчивые, накапливающиеся порой

тысячелетия и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих. При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому, или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер.

Так, демократизация современного мира властно диктует необходимость перехода к общим правилам игры как во внутренней, так и во внешней политике, необратимо меняя иерархию основных элементов социума. На первое место в этой иерархии объективно выходит личность, на второе – общество, оттесняя государство на третье место и делая его в первую очередь инструментом защиты интересов личности и общества. Любая страна, претендующая на сколько-нибудь заметную роль в мировых делах, сегодня вынуждена строго соблюдать эту иерархию. Демократизация внешней среды, идущая пусть непоследовательно и противоречиво, никому не дает возможности безнаказанно попираť демократические нормы и процедуры, игнорировать интересы и права человека. Ни одно государство современного мира не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую – за ее пределами. С другой стороны, если не учитывается внешняя ситуация, то какие бы не прилагались усилия по формированию национальной стратегии развития, они легко опрокидываются всемирными глобальными потоками и процессами в финансовой, производственной, социальной, экономической, политической и т. д. сферах. Глобализация, таким образом, стирает грани между внешней и внутренней политикой. Собственно уже одним этим обстоятельством национальная идентичность в начале XXI века серьезно ограничивается, попадая в зависимость от демократических механизмов и институтов, которые к тому же также имеют тенденцию к глобализации.

Одновременно национальная идентичность попадает в жесткие тиски экономизации, неуклонно ведущей к формированию единого мирового экономического пространства, что делает нежизнеспособными модели национальной безопасности и национального развития, основанные на изоляционизме, а интеграцию в это формирующееся пространство – единственно возможным способом эффективной защиты национальных интересов. Отказаться от интеграции – значит отказаться от полноценного развития. Ни одно общество не может быть конкурентоспособным, не став частью мирового экономического пространства.

Информатизация, формирующая единое мировое информационное пространство, создавая глобальное сетевое общество, открывает гражданам охваченных ею стран доступ ко всем материальным и духовным благам, умножает интеллектуальный ресурс, а, следовательно, и все другие ресурсы, способствуя устойчивому развитию, достижению благополучия и безопасности личности и общества. С другой стороны, информационные технологии не являются абсолютным благом: они создают новые возможности для контроля и манипуляции массовым сознанием во внутренней политике и новые эффективные средства воздействия на национальные сообщества со стороны наиболее оснащенных в этом отношении государств в рамках межгосударственного противоборства, следовательно, создают и новые угрозы национальной идентичности. Кроме того, глобальные информационные потоки объективно ведут к размыванию идентичности.

Культурная стандартизация, будучи в определенной степени следствием информационной открытости, взрывает некогда замкнутые культурные идентичности. При помощи сверхсовременных информационных технологий, сопротивление которым невозможно, глобализация раз и навсегда взламывает казавшиеся ранее незыблемыми, как скала, барьеры между различными культурами, вовлекая их в водоворот всемирной конкуренции. В этом водовороте выживают лишь те культуры, которые оказываются способными к адаптации в стремительно меняющемся мире, научились воспринимать новейшие достижения мировой цивилизации, при этом не теряя своей самобытности. Яркий пример такой адаптации – японская культура. Впрочем, противоположных примеров гораздо больше: это и испанская, и турецкая, и мексиканская, и аргентинская, и много других культур, не выдержавших столкновения с натиском культурной унификации, порожденной глобализацией. Массовая культура глобализации в этих случаях оказалась сильнее культурного ядра национальных идентичностей, которые в условиях глобализации сохранились лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго. Во всех этих случаях глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира», и оставила от этих ядер лишь некий набор туристических курьезов. Очевидно, что вслед за этими странами уже идут все без исключения страны Восточной и Центральной Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния), страны Балтии, в последнее время, похоже, Грузия, Украина и Молдова. На очереди – Великобритания, Франция, Германия. Они сопротивляются, поскольку име-

ют большую «историческую» культурную глубину. И, наконец, самые «крепкие орешки» в этом отношении – это Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию. Однако слишком уповать на это обстоятельство не стоит: глобализация перемелет и их, если культурные ядра национальных идентичностей этих стран не окажутся достаточно адаптивными к происходящим стремительным переменам в экономике, технологиях и социальной жизни. До нынешнего момента все эти три культуры – и это признают все серьезные наблюдатели – демонстрируют свои высокие адаптационные способности. Именно эти три культуры рационализировали свою национальную, а затем и политическую идентификацию всегда, когда они сталкивались с чужеродными культурами, утверждающими иные культурные стандарты. Более того, вопрос об идентификации в этих трех культурах остро вставал именно в условиях давления чужих культурных стандартов, попыток других культур навязать им эти чужие стандарты. Отторжение чужих стандартов стимулировало в этих трех культурах процесс собственной культурной идентификации. В то же время во всех трех случаях был продемонстрирован поразительно высокий адаптационный потенциал: Индия «переварила» британскую культуру; Россия «переварила» два западных проекта – либеральный и коммунистический; Китай «переварил» коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас, похоже, «переваривает» не только западный экономический либерализм, но и американский культурный глобализм [2, с. 23–24].

Сказанное, однако, не означает, что эти три страны абсолютно гарантированы от угрозы культурной стандартизации и обладают стопроцентно надежными культурными иммунными системами, способны противостоять вызову культурной стандартизации. Решающая битва за национальную идентичность еще впереди. И ее исход главным образом зависит от того, смогут ли эти три культуры противопоставить глобализации более мощные и убедительные национальные проекты.

Наконец, глобализация настаивает на универсализации ценностных ориентиров. При помощи тех же массовых информационных технологий (в первую очередь телевидения и сети Интернет) она наглядно демонстрирует преимущества в первую очередь западной модели развития и, соответственно, западных ценностей, таких, как индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство, гражданское общество, нанимающее это государство. Как бы там ни было, но именно те страны, которые следовали этим ценностям, добились успеха, а те, кто этому не следовал, стали неудачниками.

Утрата национальной идентичности ведет, как показывает мировая практика, к потере не только национальных ценностных ориентиров, но и значительной части национального суверенитета государств. Это в свою очередь означает отказ от собственных национальных интересов, неспособность этих государств к самостоятельной, как внутренней, так и внешней, политике. И напротив, четкое самоопределение, твердая опора на национальные идентификационные коды открывает возможность проводить свой собственный внутри и внешнеполитический курс, основанный на глубоко осознанных и четко сформулированных национальных интересах.

В условиях повсеместного и всеобъемлющего кризиса национальной идентичности каждое государство, даже из числа тех, которые добровольно и сознательно передают значительную часть своего национального суверенитета более мощным государствам и межгосударственным объединениям, делает все возможное для его преодоления. Поскольку идентичность является важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, она сама вовлекается в водоворот всемирной конкуренции. Идет «битва идентичностей». В этой конкурентной борьбе пощады нет никому. И выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности стремительно и неизбежно растворяются в процессах глобализации.

С другой стороны, сопротивляться процессам глобализации не только невозможно, но и контрпродуктивно. Овладев ее «правилами игры», следует использовать те возможности, которые она предоставляет, а желательно – и влиять на эти правила. Необходимо по возможности быть не только объектом, но и субъектом глобализации. Каждая без исключения страна является ее объектом. Но лишь немногие – субъектами. Например, Япония – это и объект, и субъект глобализации. Испытывая давление американизации, она является ее объектом. Но трансформируя заимствованные ценности, она выступает в роли субъекта глобализации, передавая их в адаптированном виде азиатским странам.

В силу новых, доселе невиданных возможностей и открытости неизменными спутниками глобализации, как бы ее оборотными сторонами стали фрагментация и дифференциация. Иначе говоря, оборотной стороной глобализации является возрождение этнизма, национализма, различных форм фундаментализма, приверженностей традиционным, религиозным ценностям и т. д. Если глобализация способствует размыванию национально-государственных

границ, и, соответственно, национально-государственной идентичности, фрагментация, наоборот, стимулирует возрождение, во всяком случае, в сознании людей, воображаемых границ разного рода субнациональных этнических, конфессиональных, культурных, языковых и иных общностей, подпитывая соответствующие идентичности. Другими словами, глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение, а в отсутствие авторитетов и стандартизированное квазирыночное поведение. Накладываясь друг на друга, они создают условия для дробления единой национальной идентичности на несколько или множество идентичностей: наднациональную, транснациональную и субнациональную.

На первый взгляд парадоксом выглядит тот факт, что в условиях глобализации одновременно с универсализацией культуры наблюдается тенденция к возрастанию культурных различий в обществе. Об этом свидетельствует, например, феномен мультикультурализма, ставший одним из факторов фрагментации и гибридизации национальной идентичности. Если даже национальная идентичность и не оттесняется различными формами субнациональной идентичности, налицо фрагментация и гибридизация идентичности, результатом чего является либо мультикультурализм, который сопряжен со своего рода стратификацией этнонациональной, расовой, языковой, общинной и иными проявлениями приверженностей, либо их наложение на общенациональную приверженность.

Чем сильнее процессы глобализации проникают в национальные культуры, тем активнее народы стараются сохранить такие внутренние компоненты жизни народа, как культура, язык, религия. В результате в период глобальных трансформаций обостряются проблемы национальной идентичности, связанные со стремлением народов к самобытности и к самоопределению.

Неизбежные процессы глобализации, взламывающие вековые уклады национальных культур, приводят зачастую к межнациональной, межрелигиозной напряженности, часто выливающейся в конфликты, с вытекающими отсюда человеческими жертвами. Именно межнациональные отношения в современном мире стали сегодня одной из главных проблем.

Таким образом, последствия глобализации для национальной идентичности весьма противоречивы. Она создает как новые, невиданные ранее возможности для развития и процветания различных стран, так и новые, крайне опасные вызовы и угрозы. В условиях информационной открытости всего мира, повсеместной доступности СМИ, прежде всего телевизионных, появляется

широкая возможность выбора, что бросает вызов как отдельным индивидам, так и целым национальным сообществам. В числе последних оказывается и национальное государство, культурное ядро которого размывается. Его подменяют глобально узнаваемые символы, которые рождает общее пространство информации и коммуникаций. Подъем национализма во всем мире, включая развитые страны Запада, дробление национальных сообществ на более мелкие, т. е. субнациональные, являются ответами на вызовы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности.

В заключение следует также отметить, что национальная идентичность в современном мире размывается не только процессами глобализации, но и мощнейшим натиском постмодернистской культуры. Утверждая «плюрализм смыслов», равнозначность (следовательно, сомнительность) морально-нравственных ценностей, осмеивая национальные традиции, ставя под вопрос христианские и гуманистические идеи эпохи Просвещения, наконец, торжественно провозглашая конец проекта «Человек» и конец самой Всемирной истории, Постмодерн по существу пытается выхолостить национальную идентичность, убить ее содержание, вообще снять вопрос об идентичности с повестки дня. В этом смысле Постмодерн – самый лютей враг национальной идентичности. При этом глобализация борется против идентичности на стороне Постмодерна.

Литература

1. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004.
2. Кортунув, С. В. Национальная идентичность: Постигание смысла / С. В. Кортунув. М., 2009.